

Владимир Ткаченко родился в два часа ночи 10-го ноября 1972-го года в 1-м роддоме города Херсона.

Детство, юность и период раннего взросления провёл там же.

Окончил Крымский мединститут. По образованию врач анестезиолог-реаниматолог.

В 1995-м году с другом Максимом собрал группу «Ундервуд».

С 2000-го года место обитания – Москва. Женат. Дочь Софья.

Владимир Ткаченко
г. Москва

Солонка и перечница

Солёный человек голубоглаз
(Им всем, голубоглазым, не до нас)
Не потому, что жизнь его не сахар,
А потому, что в слёзном озере,
Как в Мёртвом море, на его лице
Не утонуть взаправду, и в конце
Концов — всего лишь мокрая рубаха.
Морщина шла от озера к щеке,
И уводил мужчину налегке
Под локоток перчёную подругу.
Внутри у дамы молотый коктейль
(Была, конечно, сладкой их постель).
Для соли с перцем это ли не цель —
Кружиться над кастрюлями по кругу?
Я видел эту парочку вблизи —
Распахнуты ресницы-жалюзи
(Она недавно сделала УЗИ —

Ждут девочку особенного свойства).
Они вдвоём, как украинский флаг,
Не по расчёту, но по вкусу брак,
И пёстрой пары губ архипелаг
Всех поваров приводит в беспокойство.

***

Прилетел в незнакомый город,
Сел в такси и закрыл глаза.
У шофёра широкий ворот
И грузинская железа.
Слепота для меня — победа
Над желанием удивить.
Не по следу бегу — от следа,
Чтобы только тебя забыть.
Чтобы пахнул цветок мигрени
Голубым от тоски свинцом,
Как кладбищенские сирени
Над неведомым мертвецом.
Мчал возничий малолитражный
В громы, молнии и дожди —
Два коротких, один протяжный,
Справа, слева и впереди.
И колёса, как четвертные,
И дорога, как нотный стан,
И мелодии всё сплошные,
Всё двойной и сплошной обман.
Много надо ли, чтобы скоро
Постараться тебя забыть?
Прилететь в незнакомый город,
Сесть в такси и глаза закрыть.

***

Максиму Кучеренко

Смотри, мой друг, какая благодать:
Дрожит гортань, как кошка в полнолуние,
Из сундучков заветных беглый тать
Крадёт глаголы. Нечем жечь. Июнья
Одышка. Тополиных связок клей,
И дождь в кармане окисляет мелочь.
И мы пешком с вокзала в мавзолей
Снять номерок. Портье белее мела.
Да и вообще... В гостиничном лесу
Накрыть поляну, кликнуть красных шапок,
Сварить компот из лягушачьих лапок
И так уснуть, не трогая джинсу.
Халдеи в номера приносят ртуть.
Пьёшь два глотка — и вид из окон ярок.
А тем, кто смог здесь вовремя уснуть, —
И свежий нимб. И молния в подарок.

Переулоч Хользунова

Из роддома с любовью, на двух ногах,
Широко известный в худых кругах,
Я иду, и в первых моих шагах
Начинаю жить с первобытной силой.
От давно девичьих уже полей
Вдоль картошек, фруктов и тополей
Я иду, и походка моя смелей
Монотонных шагов кадила.

Через сквер, с пломбирной зимой во рту,
Раздвигая профилем пустоту,
Я иду домой, представляя ту,
Что родится на стыке весны и лета.

У меня улыбки во всех местах,
И с небес на землю спустился Бах.
Мир держался долго на трёх болтах.
Я, вообще, благодарен ему за это.

Так я шёл срединной тропой земли,
Пересёк экватор, копил рубли,
Свил гнездо почти у метро Фили.
Мой карман был всегда оттопырен рифмой.
Я не знаю, есть ли у жизни цель.
Видишь, дочка, папа твой менестрель.
Если он и шёл когда на панель,
То лишь только с гитарным грифом.

И в конце переулка печальный дом.
Дом, где все подбирают слова с трудом.
Всё, что нам остаётся, — дружить со льдом.
Хладнокровная человечность...
Не собака зарыта в конце пути,
Ибо, как извилиной ни крути,
То, что раньше двигалось во плоти,
Переходит в опцию «бесконечность».

Сigaretка тлеет, как Жанна д'Арк,
После смерти мы все попадаем в парк.
На вопросы «как» лишь воронье «карк»,
Его слышу я да небес стропила.
Я иду, весне подставляя лоб.
Жизнь такая, что, сколько ни делай проб,
Всё одно - прыжок из вагины в гроб,
Как Ф. Г. Раневская говорила.

Полгода

Вот тебе и полгода, беззубое чудо природы.
И ноябрь истязает планету под скрип тополей.
А когда-то весною едва отошедшие воды
Расступившимся морем открылись заботе моей.
Вот тебе и полгода, мой маленький розовый идол.
Время тянет резину. Его, как игрушку, грызи.
Над коляской висят почерневшие Семирамиды
Всех скелетов берёзовых, спящих в филёвской грязи.
Спи, мой ангел, не плачь. В парке спится в любую погоду.
Видит белка орех, но в коляске не видит тебя.
Вы, конечно, подружитесь с ней, не пройдёт и полгода, —
Говорю я себе, рукавицу в руках теребя.
Про похожих две капли воды я не верю, не верю.
Я седая угрюмая капля размером с бассейн.
Ты росинка, ты тёплая бусинка майских феерий.
Ты жемчужина жизни во всей наготе и красе.
Спи, мой ангел, не плачь,
из-за павшей листвы не печалься, —
Говорю в сотый раз, проходя мимо вечных дубов.
Вот тебе и полгода. И осень кончается вальсом.
И зима начинается маршем молочных зубов.

Маракана

Хорошо, если кокой засеять поле,
Чтоб весной взошёл молодой Гарринча
И кривою ножкою-невидимкой
Показал бы всем, где зимуют крабы!
И ходил Пеле по земной юдоли
И, склоняя время до слова «нынче»,
Всё старел с кофейным зерном в обнимку,
То торгуясь с туркою, то с арабом.
Хорошо, когда мяч от природы круглый!
Эта божья радость не всем доступна...
А в раздольном поле без буераков,
Ох, народ, искусен же твой сыночек!
Просто знание тела покруче Гугла,
Да и мышцы, если взять совокупно,
Все на тонком нерве. Иди, гуляка!
Закрути по ветру сухой листочек.
Хорошо, что трибуны полны торсидой —
И друзья по детству, и просто люди,
И, рукою лёгкой сорвав бикини,
Не одна рассупонилась bundagrande.
И, пока плывут от богов флюиды
(Ибо лишь они понимают в чуде),
Об Отчизне мысли да о чужбине:
Не они волшебники. Мы мутанты.